

Финч

Снег. Он идет, как незнакомец. Казалось бы, совсем рядом — руку протянуть, и коснешься, и все же он так далеко — за окном. Снег будто манит... манит пальцем: выйди, забирайся ко мне под пальто, пойдем со мной.

Мальчику одиннадцать лет по имени Финч нестерпимо хотелось выйти прямо через покрытое изморозью круглое окно на третьем этаже школы и исчезнуть, уйти со снегом. Но он не мог. Он был наказан. А наказали его за то же, что он делал и сейчас: думал о своем и не слушал того, кто не любит, когда его не слушают.

На партах тускло горели газовые лампы, но все равно в классе было темно.

Финч сидел в последнем ряду, почти под самым потолком, — места учеников поднимались ступенями, в то время как учительский стол тонул во мраке в глубине помещения. Там, внизу, едва заметно шевелилось нечто, кажущееся бесформенным, грубым и древним.

В классе было жутко... жутко сонно.

На учительском столе тикали часы, порой кто-то приглушенно кашлял, скрипели перья чернильных ручек. Что-то хриплым голосом бормотало существо, грузно расхаживающее у доски, ну а Финч все глядел в окно.

Снег окутал собой улицу, дома и крыши — в этом городе он шел всегда. Внизу, у здания школы, проходила аллея с двумя рядами скрюченных деревьев, побелевших и простуженных. Фонари на чугунных столбах еще не зажгли, и до того, как они задорно загорятся по одному, оставалось совсем немного. Ни прохожих, ни экипажей на мостовой видно не было. Город словно вымер. Будто заснул, убаюканный тишиной и покоем зимнего дня.

Финч глядел на эту меланхоличную картину в белых тонах, и глаза его слипались. Он уже и сам почти заснул, когда за окном вдруг что-то начало происходить.

На аллее появился человек с черным зонтиком. В смоляном пальто и цилиндре он походил на размытое чернильное пятно — крайне неуместное и мрачное пятно среди заснеженных деревьев. Незнакомец озирался по сторонам, словно не понимал, где находится.

Финч мог бы поклясться, что всего мгновение назад на аллее никого не было — он даже поймал себя на нелепой мысли: «А что, если этот человек просто вдруг выбрался из падающего снега?»

Незнакомец между тем прекратил оглядываться и присел на скамейку. Но в тот же миг, как он ее коснулся... исчез, рассыпавшись снегом, а на том месте, где он только что находился, появилось несколько нахохлившихся черных ворон.

Финч вздрогнул. Сонливость как рукой сняло.

Он пригляделся: никаких следов джентльмена в цилиндре — только птицы на скамейке бродят туда-сюда и раскрывают клювы, что-то крича.

Мальчик перевел взгляд на одноклассников: может, кто-то из них видел то же, что и он? Но кругом были сплошь грустные безразличные затылки. И как в такое время можно что-то писать?! Как можно не замечать, что происходит что-то странное?!

Тем не менее никто ничего не замечал — всех заботили только собственные скучные тетради и унылые закорючки, которые там появлялись.

Финч снова поглядел в окно, но даже ворон больше не было. Лишь, как и мгновение назад, падал этот бесконечный снег...

— Вы все поняли, мистер Финч? — раздался надтреснутый голос от доски.

— Я ничего не понял, — пробормотал Финч. — Куда он исчез?

— Что вы сказали?

Финч встрепнулся:

— Ничего, мадам. Я вас внимательно слушаю...

— Тогда, надеюсь, вы готовы вместе со всеми перейти к заключительному параграфу...

Ветер выл в дымоходах, эхо от него долетало в класс и сливалось с монотонным бормотанием карги в огромных круглых очках с выпуклыми стеклами. Карга стояла, сгорбившись у черной грифельной доски, и указывала на что-то указкой. Ее сухие потрескавшиеся губы медленно шевелились, а сморщенное застывшее лицо белело в потемках, и издалека казалось, что оно висит в воздухе отдельно от тела.

Карга провела указкой по доске, очевидно, намереваясь процарапать в ней прореху и надеясь, что из раны потечет кровь. Она сморщила клювообразный нос, приняхиваясь.

Порой Финч думал, что в этом дряхлом существе жутковатую каргу видит только он. На остальных же наказанных миссис Оул, престарелая учительница по Странным числам, нагоняла лишь нефталиновую тоску.

— Ойт — это десятичная мера снега, — говорила миссис Оул, — которую забирает один ковш для переработки в подземных фабриках-гремпинах. В одном оите — десять нилей. В одном ниле — десять клаптингов. Вы записываете, мистер Финч?

— Да-да, мадам.

Финч торопливо макнул ручку в чернильницу и кривобок вывел: «10 клаптингов». При этом на странице образовалась жирная уродливая клякса.

— Вы ведь знаете, что вы безнадежны, мистер Финч? — спросила миссис Оул — учительница словно увидела со своего места медленно и неотвратно впитывающееся в записи пятно.

Финч молчал. Он это знал, однако поделаться со своей рассеянностью ничего не мог. Дедушка говорил, что рассеянность — признак необычного ума и живой фантазии. А учителя говорили, что Финч просто отсталый. Так как Финч до сих пор не замечал у себя признаков необычного ума и не представлял, какое он имеет отношение к живой фантазии, то был склонен согласиться с мнением учителей.

«Не зря меня вечно наказывают, — думал он. — Кажется, я и правда отсталый...»

За что же наказали Финча в этот раз?

Что ж, если бы время можно было отмотать к моменту, когда все произошло, то стоило бы вернуться в класс «Странные числа» миссис Оул примерно на час назад.

Финч, щуплый мальчишка с взлохмаченными синими волосами, сидел там же, у окна. Он и не думал записывать то, что рассказывала миссис Оул, — вместо этого, подпирая голову рукой, глядел на самый ненавистный для него в этом классе затылок.

— Мерзкая-премерзкая, гадкая-прегадкая, сопливая-пресопливая... — шептал он себе под нос, с презрением и досадой наблюдая поверх голов одноклассников за девочкой, сидящей через две парты от него.

Финчу эта девочка не нравилась до такой степени, до какой только одна вредная самовлюбленная зазнайка может не нравиться мальчишке, который считается самым большим чудачком в классе. То есть она ему *крайне* не нравилась.

К таким, как она, любимчикам учителя обычно относятся как к своего рода маленьким заместителям. «Карликовые заместители», — называл их про себя Финч. Такие важные персоны всегда мнят о себе невесть что: как будто им сам

господин директор школы предписал вместе с формой носить задранный нос и поджатые губки. А эта мисс Джей в особенности! Всюду лезет со своими знаниями и, как назло, неизменно отвечает на все вопросы учителей «Н. О.», то есть «На Отлично», да еще с таким видом, будто вызубрила всю энциклопедию Болестуса Брауна наизусть. И при этом еще считает себя самой большой красавицей в школе, несмотря на веснушки, курносый нос и два рыжих хвостика, глядя на которые вечно боишься обжечься.

А ее имя! А-ра-бел-ла! Фу-ты ну-ты... Вон Финч — просто Финч, и ничего, не пропадает. А тут, видите ли, «мисс Арабелла Джей, первая леди класса». Смешно просто. Сидит, сложив перед собой на парте ручки, с ровной, как в «Большом сборнике школьных правил», спиной, будто ее отходили по ней кочергой, и едва не дрожит вся — готовится ответить на еще не заданный учительницей вопрос. Вот было бы забавно...

— Мистер Финч, позвольте спросить, чем это вы занимаетесь?

В мальчика вонзился взгляд двух совиных глаз, округленных стеклами очков в роговой оправе. Будь у взгляда когти, Финчу в этот миг стало бы невыносимо больно.

Три десятка шей, полупридушенных узкими белыми воротничками и черными галстуками, повернулись к нему так синхронно и резко, словно каждый из учеников в одночасье получил крепкую пощечину.

Весь класс замер и уставился на Финча. Кто-то позволил себе чуть заметную усмешку: его определенно ждали неприятности — какие именно и за что, одноклассники пока не знали, но уже были в предвкушении. Хуже всего, что и мисс Джей глядела на него, следила за появившимся в его глазах страхом, как злорадный зритель в цирке глядит на спотыкающегося канатоходца.

— Мне повторить свой вопрос, мистер Финч? — пролязгала металлическим голосом миссис Оул. — Чем вы занимаетесь, когда должны слушать то, что я рассказываю?!

Учительница сидела за своим громоздким дубовым столом на стуле с высокой резной спинкой. Позади чернела доска, на которой, словно приговор неучам, были выведены формулы и даже целые предложения из Странных чисел; на столе выстроились колонны учебников, словарей и энциклопедий числительных законов. Всем своим видом миссис Оул сейчас напоминала судью, только без парика — хотя в последнем Финч не был уверен.

«Чем я занимаюсь, когда должен слушать ее?!»

Неужели эта миссис Оул, раз она учитель и вся из себя такая умная, не может догадаться сама, что он сидит и молча ненавидит Арабеллу Джей? Это же очевидно! Что миссис Оул ему сделает? Он ей не по зубам! И пусть весь класс знает, что он ее не боится, как все эти трусы и любимчики! Он ей все сейчас выскажет! Все, что думает! Об этом будут говорить месяц!

— Ничем, мадам, — едва слышно прошепелявил Финч, опустив взгляд в парту и нещадно краснея.

Большим болваном Финч сегодня себя еще не чувствовал. К тому же и мисс Джей, он был уверен, глядела сейчас на него со своим коронным презрением и, должно быть, даже показывала ему язык, пока миссис Оул не видит.

— Вы выполнили ваше домашнее задание на «Е. У.»! — продолжала возмущаться миссис Оул — на ее учительском ритуальном языке «Е. У.» означало «Едва Удовлетворительно». — И теперь еще позволяете себе меня не слушать и спать на уроке?! Вы заслужили наказание, мистер Финч. Сегодня останетесь после занятий. И только попробуйте сейчас поморщиться или вздохнуть — будет хуже. Еще хуже, чем в прошлый раз. Вам все ясно?

— Д-да...

— Не слышу вас, мистер Финч!

— Да, мадам.

...Вот так Финч и оказался на дополнительном часу «Странных чисел», на котором он и увидел в окне появившегося

из ниоткуда и таким же непонятным образом исчезнувшего человека с зонтиком. Кто это был? Что он делал там, на аллее? Искал кого-то? От кого-то бежал? Или просто прогуливался? А может... может, его и вовсе не было?

Финч вздохнул. Кажется, ему все просто привиделось — почти-почти приснилось: когда ты едва не засыпаешь в темном классе под монотонное бормотание о числах, и не такое увидишь. Ну еще бы! Так ведь не бывает, чтобы человек вышел из снега и превратился в птиц.

Откуда Финчу в тот момент было знать, что сегодняшней день еще готовился преподнести ему кое-что необычное, немного удивительного и совсем чуть-чуть необъяснимого...

Часы на учительском столе издали характерное «дзынь», предупреждающее о том, что урок закончится через минуту. Финч вздрогнул и принялся поспешно переписывать в тетрадь формулы с доски: было важно успеть законспектировать как можно больше, иначе дедушка не сможет ему дома все разъяснить и помочь с домашним заданием. Мальчик и думать забыл о странном происшествии за окном, которому стал свидетелем.

Когда ударил колокол, а эхо от него расплзлось по школьным коридорам и узким лестницам, Финч все еще лихорадочно переписывал расчеты угла падения снега в зависимости от силы и направления ветра и еще что-то столь же сложное и неинтересное. Он пропускал числа и целые строки, надеясь, что они не ключевые, сокращал, как мог, но, к сожалению, стенографирование не было его сильной стороной.

Когда Финч наконец занес в тетрадь последнее Странное число, в классе уже никого не осталось, кроме него и застывшей за своим столом миссис Оул.

Финч поспешно закрыл тетрадь, закрутил чернильницу и заправил ручку с баночкой под специальные ремешки в портфеле; в одно из отделений отправилась и тетрадь.

— Вы забыли высушить записи промокательной бумагой, мистер Финч, — сказала миссис Оул своим неизменным укоряющим тоном. — Этого стоило ожидать.

Финч огорчился: его и так плохо разборчивые записи из-за размазанных чернил сейчас, вероятно, стали и вовсе нечитаемыми. Придется половину угадывать. Может, дедушка знает что-то из темы «Странные числа и снежные фабрики гремпинов»?

Промакивать уже расплывшиеся чернила было поздно, и Финч, подхватив портфель, выбрался из-за парты и вприпрыжку потопал вниз по лестнке прохода между рядами.

— Вы ничего не забыли, мистер Финч?

Миссис Оул всегда будто только и ждала момента, когда он ошибется, чтобы поймать его на промахе и раздуть из этого целую историю или как минимум озвучить парочку оскорблений. А Финч, в свою очередь, был из тех, кто не упустит случая предоставить ей такую возможность.

Вот и сейчас он обернулся и с досадой отметил, что лампа, встроенная в его парту, до сих пор горит.

С тщательно скрытым тяжелым вздохом Финч вернулся на свое место и, нащупав под партой вентиль на трубе, крутанул его — огонек с легким хлопком погас.

Разобравшись с лампой, Финч осторожно двинулся по потемневшему проходу между рядами парт, во все глаза глядя под ноги: было бы ужасно сейчас споткнуться и кубарем покатиться прямо к столу учительницы.

Без происшествий спустившись и пробормотав: «До свидания, мадам», Финч направился к двери. Он уже почти покинул класс, когда миссис Оул его окликнула:

— Мистер Финч!

Финч замер и обернулся. Учительница глядела на него тяжелым, как колокол, взглядом.

«Ну вот, — с тоской подумал Финч. — Сейчас начнется...»

И началось:

— Вы только поглядите на себя.

— Целиком не получится, — храбро ответил мальчик. —
Нужно большое зеркало.

Миссис Оул приподняла бровь и сцепила толстые когтистые пальцы.

— Если бы вы не были отсталым, — сказала учительница, — я бы наказала вас за дерзость. Но, видимо, вы действительно понимаете все лишь буквально, поэтому я разъясню! Вы должны выглядеть как ученик школы Фьорити!

— Но я и так выгляжу, мадам!

Это была правда: как и все мальчики в школе, Финч носил узкий темно-серый пиджачок, клетчатые черные бриджи, шерстяные гольфы, рубашку с удушливым воротником, черный галстук и ботинки на кнопках. Он не понимал упреков учительницы.

Тем не менее у нее их был заготовлен целый список:

— Вы должны быть причесаны! Всегда! С прибором налево, как принято для мальчиков школы Фьорити! Ваши манжеты и ваш воротничок все в коричневых пятнах от пароутюга! На гольфе дыра! Башмаки не начищены! На ваших пальцах, губах и щеке чернила. Вы постоянно грызете ручку — это отвратительная привычка! Отсталые дети, к вашему сведению, тоже должны выглядеть как достойные ученики школы Фьорити, если они хотят оставаться учениками школы Фьорити! Ну, или в вашем случае, если этого хочет ваш дед, мистер Фергин. Вам все ясно?

— Да.

— И вы не должны отвечать взрослым «да» или «нет». Это невежливо. Вы должны отвечать как эхо: «Ясно, мадам».

— А если мне будет не ясно?

— Вы свободны, мистер Финч.

Под пристальным взглядом миссис Оул Финч понуро развернулся и толкнул дверь. Он чувствовал себя просто отвратительно. Финч ненавидел эту злобную старую женщину. Ему казалось, что она специально к нему придирается, будто мстит за что-то. Это было несправедливо! И нечестно! «Вы должны

быть причесаны!» Еще с расческой возиться! И какой смысл причесываться, если все равно потом все лохматится?

Покинув класс, Финч быстро прошел по пустому коридору, спустился по главной школьной лестнице и, зайдя в гардероб, протянул автомату-гардеробщику номерок. Старый механоид заскрипел и заскрежетал, словно раздумывая, отдавать ли мальчику его одежду, после чего все же смилоствивился и двинулся к вешалкам. Вскоре Финч уже натягивал пальто, шапку и перчатки. Обернув шею шарфом и попрощавшись с автоматом, он направился к выходу из школы. Спихватился. Вернулся в гардероб за забытым портфелем, а затем наконец покинул свое самое нелюбимое место на свете.

Предстояла дорога домой...

Финч брел по аллее в сторону трамвайной станции, согнувшись под тяжестью портфеля на спине.

Как всегда, шел снег. Сейчас он падал большими ленивыми хлопьями.

Было не так уж и холодно, но мальчика мучил озноб. Он прокрадывался по коже, как вор. Нет, как целая стая воров. Ноги в башмаках быстро замерзли. А еще эта проклятая дыра в гольфе! Поскорее бы добраться до станции...

Слева неожиданно раздался хрип.

Финч повернул голову и в первый миг решил, что глядит на странного и довольно уродливого снеговика. На скамейке сидело толстое голое существо с белой кожей — складки этой его кожи свисали с круглого брюха на тонкие коленки. Лицо было не менее странным и пугающим: черные глаза, длинный нос-клюв, и лишь где-то в глубине под ним угадывалась прорезь рта.

Финч даже споткнулся и на мгновение потерял из виду жуткое существо. Поднял взгляд и...

Никого там больше не было. Лишь большой ком снега будто бы вырастал из скамейки.

— Как же так?! — со смесью удивления и разочарования прошептал мальчик. — Куда оно подевалось?

Подевалось? А было ли оно там вообще?

«Почему мне сегодня постоянно видится что-то непонятное?! Сперва человек, превратившийся в птиц. Теперь вот это!»

Финч яростно потер глаза. После чего бросил недоверчивый взгляд на скамейку — никого.

«Померещилось?»

Хотелось верить, что да. И все же как-то уж слишком часто ему стали «мерещиться» разные вещи. Ладно еще, если бы он не увидел никаких подробностей, но он успел рассмотреть пугающее существо как следует. Оно было таким реальным... Эта гладкая обвисшая кожа, этот тяжелый нависающий нос и непроглядная чернота круглых глазок! Такое нарочно не придумаешь! А уж он, с его отсутствующей фантазией, точно не смог бы.

Финч почувствовал, что озноб усилился, и поежился в своем пальто. Сняв перчатку, он приложил ладонь ко лбу. Тот был раскален, как радиатор теплофора.

— Кажется, я заболел, — пробормотал мальчик, и тут его осенило: «Я простыл, и у меня жар. Точно! Это все объясняет... Никаких чудачков с зонтиками и носатых толстяков. Это просто я чудак. Нужно поскорее вернуться домой. Дедушка готовится горячий обед и заварит желудевый чай...»

Финч вспомнил, что дедушка обещал ему конфету из жестяной коробки на каминной полке, если он получит за домашнее задание хотя бы «Едва Удовлетворительно». Что ж, дело было сделано.

«Но ему нельзя говорить, что я заболел, — мысленно добавил Финч, — а то заставит пить рыбий жир и есть мерзкий лекарственный воск!»

Финч ускорил шаг. Нужно было попасть на трамвай как можно скорее. Пока ему не привиделось еще что-то жуткое и странное...

...Трамвайная станция представляла собой высокое здание из бурого кирпича с большими прямоугольными окнами, из которых на снег лились полосы теплого рыжего света. Над входной дверью располагалась вывеска: *«Трамвайная станция “Докери”. Счастливого пути»*.

Как только Финч подошел к станции, автоматон в вишневой форме Трамвайного ведомства услужливо открыл двери и пропустил его.

Финч потоптался на включившейся теплорешетке у порога, стряхивая снег с ботинок, и шагнул внутрь.

Его тут же обдало горячим воздухом, и он буквально утонул в шуме разговоров, смехе и музыке из бронзовых рупоров, развешанных над дверями по обе стороны прохода. Здесь, в отличие от пустынной аллеи, былолюдно. Кругом горели лампы.

Внутри станция «Докери» представляла собой нечто, напоминающее небольшой крытый бульвар или, скорее, пассаж. Над головой возвышалась стеклянная крыша, через нее было видно хмурое небо — одна за другой на гладкой поверхности умирали снежинки: снег на крыше станции не задерживался из-за горячих труб, проходящих под карнизами, и каминов в самом здании.

По сторонам ведущего к платформе прохода размещались: книжная лавка, шляпное ателье, чемоданный магазинчик, цирюльня, мастерская по ремонту автоматов, отделение городской почты и кофейня «Вильнич», за столиками в которой всегда сидели важные джентльмены в деловых костюмах и дамы в красивых платьях с беличьими воротниками.

Финч побрел к платформе. Ему было запрещено куда-либо заходить, да и вообще бродить по станции. А если задуматься: что ему там было делать, в этих лавках? Денег у него никогда не бывало, а стоять и глазеть на витрины — только душу травить, как говорил дедушка. Финч ощущал, что его душа и без того достаточно отравлена — ядом миссис Оул, подкравшейся простудой и прочими невзгодами. Поэтому он, как и всегда, просто шел на свой трамвай, не глядя по сторонам и при

этом стараясь не натолкнуться на кого-нибудь из прохожих. Сожалел он лишь об окошке под вывеской «Кондитерская Трутти», из которого по всей станции расплзался чудесный запах свежеепеченных сахарных крендельков...

Шедший мимо мужчина задел Финча, едва не сбив его с ног, и как ни в чем не бывало продолжил путь. Мальчик остановился и негодуя поглядел ему вслед, потирая уши.

Грубый мистер в черном пальто и шляпе-котелке спешно отдалялся. Словно почувствовав, что на него глядят, он обернулся, одарив Финча кривой улыбкой и не менее кривым взглядом. В улыбке блеснул металлом зуб. Выражение лица незнакомца было зловредным и угрожающим, да и в целом он выглядел как личность, не заслуживающая не то что доверия, но даже приветствия — того и гляди рукав оттяпает.

Мужчина отвернулся и пошагал в сторону газетного киоска.

«Мерзкий тип», — подумал Финч и продолжил путь. Вскоре он оказался на платформе.

Здесь было холоднее, чем у лавок: ветер задувал и заносил снег в проемы, через которые трамваи попадали на станцию. Рельсовые пути вылезали будто прямо из холодного зимнего дня и в него же уходили на другом краю платформы.

Трамвая еще не было. Финч бросил взгляд на станционные часы. Один циферблат показывал общее время (без двенадцати минут четыре), на другом значилось оставшееся время до прибытия трамвая (ровно двенадцать минут).

Оглядевшись по сторонам в поисках констебля или станционного смотрителя, мальчик выбрал свободное место на ближайшей скамейке и быстро на нее уселся. Детям запрещалось сидеть на скамейках на станции: те были предназначены для почтенных джентльменов и дам — в общем, всяких-разных взрослых, но только не для детей. Разумеется, дети часто нарушали это правило.

От скуки Финч стал наблюдать за жизнью станции. На платформе сейчас было не очень много народу — всего пара стариков, читающих газеты. По другую сторону от путей, куда

можно было добраться по мосткам, проходящим у стены над трамвайными проемами, люди буквально толпились: направление в сторону центра города было более популярным, чем в сторону Горри, где жил Финч.

В дальнем конце платформы располагалась билетная касса, к окошку которой выстроилась небольшая очередь, там же стоял пожилой усатый станционный смотритель — он с кем-то говорил и громко, от души, хохотал. Под столбом с часами вместе со своей табуреточкой и стулом для клиентов разместился натуральщик башмаков в фартуке. Работы у него сейчас хватало.

Как, впрочем, и у огромного человека в темно-синей форме и высоком шлеме с кокардой. Констебль держал за шиворот тощего мужчину, трепыхающегося у него в руках, словно свежепойманная рыба. «Рыба» болтала руками по сторонам, изо всех сил пытаясь извернуться и куснуть констебля за пальцы.

— Пусти! Пусти! — верещал человек, привлекая к себе заинтересованные взгляды.

Финч с удивлением узнал в пойманном того, кто его толкнул, — неприятного типа с металлическим зубом.

Констебль был непреклонен.

— Ну да! — пробасил он. — Щас! Вот прям взял и пустил! — Он повернул голову к недоуменным свидетелям этой драмы или, учитывая злобные и в то же время комичные гримасы пойманного, скорее, трагикомедии. — Соблюдайте спокойствие! Жулик пойман! Возвращайтесь к своим делам!

— А что он сделал, сэр? — спросила старушка с клюкой, подлетевшая к месту происшествия с резвостью пожарной кареты. По ее вдохновенному сморщенному лицу было видно, что она жаждет подробностей, сплетен и чуть ли не свежих городских легенд. — Пытался испортить часы? Или хотел пробраться в трамвай без билета? Или намеревался подменить заголовки в газетах?

— Крался и выглядел подозрительным.